

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

ХРИСТОС

I

Богословный

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ

ХРИСТОС

ПЕРВАЯ КНИГА

НЕБЕСНЫЕ ВЕХИ
ЗЕМНОЙ ИСТОРИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 12137.
Ленинградский Гублит № 10364.
35¹/₂ л. Отп. 2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

При переводе на наш язык памятников чуждой нам жизни главное затруднение состоит в том, чтобы найти такие слова, которые вызывали бы у читателей те же самые представления, какие были у автора, когда-то писавшего их, а это иногда очень трудно. Вот хотя бы слово «лес» на разных языках. У якута оно вызывает представление о скоплении в одной какой-либо местности *хвойных* деревьев, у египтянина и аравийца — о скоплении *пальм*, у итальянца — дубов и других *лиственных* деревьев.

Все это — представления совершенно различные, а потому и в переводах, если вы хотите, чтобы у читателя возникал при чтении слова *лес* тот же образ, какой был у автора данного рассказа, то вы должны говорить *определительно*: в якутском рассказе вы должны написать хвойный лес, у египтянина — пальмовый и т. д.

Точно также и слово *дерево*, и слово *дом*, и слово *изгородь* на разных языках имеют разные значения, судя по тому, какие там бывают самые обычные деревья и из какого материала и по какому плану строятся там обычно дома и изгороди. При простом рассказе мы не замечаем, что подставляем вместо авторских свои образы, но, в случае употребления таких слов в смысле символов или аллегорий, это иногда ставит нас в тупик; это так важно, что без определительного термина вы ничего не поймете в аллегории, если не живете в том же поколении и в той же местности, или не знаете их особенностей.

*

Таково, например, библейское сказание о том, что в раю росли рядом два дерева: дерево жизни и дерево познания. Смысл этого сказания объясняется лишь тогда, когда вы их представите *по-египетски* в виде двух стройных *пальм*, с вершин которых опускается к земле *зонт перистых листьев*. Они выросли как бы из одного плода и срослись внизу у корня, а вершины их отклонились друг от друга на $23\frac{1}{2}$ градуса. Первое дерево будет символизировать *земную ось*, определяющую своим вращением течение суток и представляемую как ствол пальмы, растущей на северном полюсе Земли. С вершины этой пальмы спускаются зонтом небесные меридианы с перистыми ответвлениями параллелей. Второе дерево — пальма, геоцентрически представляемое там же, это как бы ось эклиптики, сросшаяся внизу с первой пальмой, определяющая течение года и наклоненная к первой пальме (как я только-что сказал) на $23\frac{1}{2}^\circ$, и с таким же зонтом меридианов и параллелей, среди которых свил свое гнездо змий (теперь созвездие Дракона). Она названа деревом (т.-е. пальмой) познания потому, что ее открытие дало впервые возможность древним предсказывать небесные явления, благодаря чему люди сделались как боги, предузнающие по течению планет грядущее добро и зло. Отсюда начало астрологии.

Без таких представлений о «дереве» вы никогда не выясните себе ни места происхождения этой легенды, ни ее символическости. А усвоив эти представления, вы сейчас же поймете, почему под первой пальмой стоят на астрологических картах неба Адам и Ева в виде Цефея и Кассиопеи, почему на вершине второй пальмы сидит змей-искуситель в виде созвездия Дракона и почему тут говорится, что одна из этих пальм «приносит плоды 12 раз в год, на каждый месяц свой особый плод».

Таким же образом, держась современного нам представления о небе, как о бездонном пространстве, в котором тут и там возникают и растворяются звезды, вы не поймете того места в «Деяниях Апо-

столов», где говорится, например, о скатерти, спустившейся с неба апостолу Петру, наполненной странными зверями, которых было велено ему съесть. А зная, что *небо* по представлениям древних было *куполом*, прикрытым голубою скатертью с изображениями на ней двух Медведиц, Скорпиона, Козерога, Драконов, Змей и всяких других животных, вы сразу понимаете, что дело тут идет о приказании Петру заниматься астрологией с прибавлением, чтобы он «не считал языческим то, что очистил сам бог-отец».

А легенда о том, как евангельский «учитель» накормил (и притом «воззрев на небо». Марк, 6, 21) пять тысяч своих слушателей двумя рыбами и пятью (а по другой версии: семью) хлебами?

Двух рыб вы, конечно, сейчас же и найдете там, куда он «воззрел», т.-е. на небе. Это созвездие двух Рыб. Ну, а где же там хлеба, которыми после насыщения слушающих еще наполнились 12 плетушек?

Если мы будем представлять себе древний хлеб (*ἄρτος*) в виде современных булок, а древние плетушки (*χοῦβιλον*) в виде современных корзин, то, конечно, и тут мы ничего не поймем. Но припомним только церковные просфоры, эти пережитки старинной формы хлебов, и тогда мы легко себе представим, что ими символически (как «хлебы предложения богу-отцу») и . . . (или по другому варианту *семь*) планет, а под 12 плетушками понимаются 12 знаков зодиака, прикрытых, как плетушками, координатной сетью. Дело здесь идет об астрологической лекции по поводу собрания семи планет в созвездии «Двух Рыб», и далее (в следующих томах) я покажу и год и день, когда было такое сочетание.

Точно так же эволюционировало с древнейших времен и учение о дѹхах. Первоисточниками их были различные запахи, а потому и духи разделялись на *чистых* (например, собирающихся вокруг цветущей розы) и на *нечистых*, слетающихся над нечистотами или входящих в кишечные каналы невоздержных людей

и вызывающих там боли. Только с этой точки зрения вы и можете себе представить их изгнание из людей евангельским «целителем», как легенду об его врачебном искусстве.

Точно так же и относительно стоящего в заголовке этой книги слова «Христос» вы не получите ясного представления, если не будете всегда помнить, что оно первоначально значило: «*помазанник*», «*посвященник*». Оно сократилось у нас в «*священника*» и приняло односторонний смысл исключительно духовного сана, между тем как первоначально имело смысл обычной царской власти, потому что цари в древний период христианства, как помазанники на царство, тоже имели звание *христов*. Обычно это помазание производилось лишь после прохождения определенного курса тогдашних наук, к которым допускались лишь избранные, и соответствовало нынешнему званию магистра или доктора (*magister, doctor, т.-е. ученый*). Именно *магистром* ученики и называют Иисуса в латинской версии Евангелий, обращаясь к нему.

Особенные трудности в этом отношении представляет слово *бог*, так как оно менялось по мере культурной эволюции у каждого народа особенно сильно.

Так, по коренному значению русского слова *бог* видно, что под ним наши предки понимали то, что мы теперь понимаем под словом богатырь, а богатырей, конечно, могло быть и много, отсюда и множественное число *боги*. По созвучию древне-арабского имени бога *Али* с греческим *Элиос* — солнце — можно догадаться, что оно пришло в Аравию из *Греции*, и отец богов представлялся там в виде Солнца. По коренному значению латинского слова *деус* (*deus*) можно легко прийти к заключению, что во время возникновения этого имени верховный бог, т.-е. «бог богов», отождествлялся с днем, по-латыни *диес* (*dies* — имя света). Этот *диес* лишь слегка отличается по звуку от *деуса* древних итальянцев и от *Зевса* древних греков, тем более, что слово Зевс употребляется в греческом языке только в именительном падеже, а в родительном и остальных берется от

латинского корня *диес*. Почему этот *диес* — день — превратился у греков в именительном падеже в Зевса? Потому, что корень этого последнего слова есть *зао* (ζῶω) — живу, и слово *Зевс* (или *Зѐус*) значит *живый* и созвучно с *деусом* — *днем*.

Мы здесь видим, как понятие о свете некогда подменилось понятием о жизни, как об основном атрибуте божества. Благодаря неумению итальянцев произносить греческий звук з, произносившийся как польское dz в слове *dzén* (день), Зевс перешел обратно к римлянам под наименованием *Иёвиса* (Jovis). Из прибавления к нему слова *патер* (отец) вышло слово *Иёвис-патер*, сократившееся в *Ю-питер*, так как латиняне боялись употреблять полное имя Зевса-Громовержца всуе из опасения, что он поразит такого смельчака молнией. В несомненной лингвистической и идеологической связи с греко-италийским Зевсом стоит и библейское название бога *Иеве* (ЙЕУЕ¹), т.-е. *Яве*, или, по неправильному теологическому произношению, *Йегова*.

Это имя, как и по-латыни, страшно было произносить целиком авторам Библии и Талмуда, и потому, аналогично латинскому его сокращению в *Йу*, произошло его сокращение то в *Йу*, то в *Йе*, то в *Йи*, то прямо в *И*. Все эти урезки мы и имеем в Библии, особенно в соединении с другими словами. Так, слово *Исаия*, вернее *Иса-Ие*, значит спасение *Иёвиса*, т.-е. по вынешнему произношению — *Иеговы*; слово *Иосиф* (= *Иу-Сфе*) значит зевсов кратер и т. д., и т. д. Можно сказать, что и слово *И-Исус* значит в переводе бог-спаситель, аналогично тому, как *Юпитер*, или лучше *Ю-патер*, значит бог-отец.

Однако, правильны ли оба эти перевода? Конечно, нет.

Под словом бог-отец у меня, да, вероятно, и у вас, если вы вышли из христианской семьи, невольно возникает современное христианское представление о боготце как о части какой-то троицы, совершенно непохо-

¹ Звательный падеж от Jovis.

жее на латинского Юпитера. Было бы вернее перевести латино-еврейское слово Иёвис как «отец богов». Точно также и при переводе еврейского слова И-Исус (И-ИШЕ) значением *бог-спаситель* я придал слову *бог* не то значение, в каком употребляли его авторы и читатели евангельских времен.

Выходит нечто в роде того, как если б я захотел вам сыграть симфонию Бетховена на пианино, у которого две — три основные ноты в доминирующих аккордах изменили свой звук от времени. Я ударяю по клавише *ре*, а у меня выскакивает *си-бемоль*; я ударяю по клавише *си*, а вместо того звучит *ре-диез*. Вместо симфонии выходит какофония, или, во всяком случае, не то, что было у Бетховена.

Как выйти из этого затруднения? Перестроить слово *бог* на старый лад невозможно: оно потеряет тогда свое современное значение. Не остается другого средства, как заменять его при переводе древних книг каким-либо подходящим суррогатом всякий раз, когда оно употребляется в единственном числе, потому что во множественном слово *боги* мало изменило свое значение.

Но подыскать суррогат здесь очень трудно, потому что это слово и в древности не имело неизменного значения. Оно эволюционировало или употреблялось даже и сразу в различных смыслах, как и слово *человек*. Мы находим его то в смысле существа, не имеющего себе подобных, то в смысле существа, имеющего себе подобных. В первом случае его пишут с большой буквы, во втором — с малой, но это не дает еще ни малейшей возможности показать читателю, что и греческий Зевс, и латинский Иёвис-отец (Ю-патер), и библейский Иеве (или Ю) один и тот же бог, представлявшийся тогдашним людям летучим волшебником-богатырем, имевшим чисто человеческую психику, хотя и способным принимать какие угодно другие внешние виды или даже делаться невидимым.

Как на современном языке выразить все это? Употреблять всегда описательные выражения при пере-

водах различных библейских книг, где слово *Йеве* употребляется на каждой строке, совершенно невозможно: слог книги стал бы до того тяжелым, что сделалось бы невыносимо всякое связное чтение. А делать так, как современные переводчики, употребляющие слово *господь* каждый раз, когда в еврейском тексте стоит слово *Йеве*, значит подставлять, вместо очень определенного его значения в оригинале, другое, имеющее с ним очень мало общего. Выходит невольный самообман, передающийся и читателю.

В этом серьезном затруднении я не нашел другого выхода, как взять для перевода слов: *Зевс* в греческих книгах, *Юпитер* в латинских и *Йеве* в еврейском Пятикнижии, их главный атрибут: *Громовержец*, или отец богов, а при переводе *Йеве* у пророков, где оно имеет уже мессианский смысл, я стал писать: *грядущий бог*.

Понятие *Громовержец* было неразрывно связано с представлением о могущественнейшем из всех богов, и это было неизбежно при естественной эволюции понятия о «божестве». Богами первобытный человек считал и Солнце (бог дня), и Луну (богиню ночи), и звезды (их детей), и ветер, и облака.

Но это были боги, не вмешивавшиеся в жизнь отдельных людей: Солнце, Луна и звезды одинаково светили и праведным и неправедным, и добрым и злым, и ветер одинаково дул на всех. Только один из богов делал различие между людьми. Это был бог грома.

Время от времени он налетал в тучах на какую-нибудь местность и вдруг поражал огненной стрелой того или другого из ее жителей. Почему? За что? Мысль первобытного человека пришла к неизбежному выводу: за какой-то великий тайный грех, скрытый от людей. Значит, это бог всевидящий, он видел и, возмутившись, прилетел наказать... Мы знаем, что к убитому грозой первобытные люди боялись даже подходить и оставляли без похорон.

Этот бог помрачал своими тучами и солнце, и звезды, он заставлял бурю носить себя на ее крыльях. Он был

самым могучим из всех богов, и его начали представлять себе их отцом.

Затем это представление вдруг неожиданно и поразительно пополнилось.

В итальянской Кампаньи началась страшная разрушительная деятельность Везувия, которая должна была поразить ужасом не только Италию, но и весь тогдашний культурный мир, имевший с ней торговые сношения.

Это явно был тот же бог грома, сошедший на землю. Он также грохотал и извергал молнии из пиниеобразной огромной тучи над Везувием. Земля потряслась от его сошествия на гору, и целые города разрушил он у ее подножия. За что? За какие-то ужасные грехи, которым они предавались. Это были языческие города, там поклонялись всем богам, но он низверг с пьедесталов на землю все их изображения. И вот человеческая мысль пришла к заключению, что бог Громовержец и потрясатель земли вовсе не отец богов, а бог-богоборец, сражающийся с ними и на земле, и на небесах, изгоняющий оттуда молниями всех не угождающих ему богов и нетерпящий поклонения кому бы то ни было, кроме себя. Началось богоборчество, появился народ-богоборец (ЭМ ИШР-АЛ — народ израильский).

Не из мирных по природе месопотамских равнин, не из спокойной Палестины или с Синая появились богоборчество и первые идеи о единобожии, а из гремящих окрестностей Везувия. С геофизической точки зрения не латинский Йёвис-отец (Ю-патер) произошел от библейского Йеве-отца, бога небесных воинств, а сам этот Йеве перешел в Палестину из Италии и там оделся лишь в восточную одежду. Если же мне скажут, что библейское имя ИЕВЕ (Иегова) имеет на своем языке смысл *грядущий* (будущее время от глагола ЕУЕ — быть), то я отвечу, что и Зевс по-гречески значит *живущий*, от глагола *зао* (ζᾶω) — живу.

Я хорошо понимаю, как эта последняя идея неожиданна для моего читателя, но я ее обосную далее настолько обстоятельно, что в правильности моего

взгляда будет трудно сомневаться. Здесь же я хочу лишь объяснить свою терминологию.

Подобно тому, как слово Йе́ве я буду переводить то бог-Громовержец, то бог-отец, то отец богов, то грядущий бог, в зависимости от того, как понимает его автор данной книги, так и слово АЛЕИМ (произносимое теперь как Элоим) я буду переводить в Библии по его буквальному смыслу «боги», потому что это — множественное число от слова «бог» (ИМ по-еврейски есть окончание множественного числа). А выражение АЛ АЛЕИМ я буду переводить — бог богов, а никак не бог Элоим, что делают церковные переводчики, желая затушевать многочисленные следы многобожия в библейском «Пятикнижии».

Я понимаю очень хорошо, что не всякий, кому интересно выяснить себе возникновение и историю религиозных представлений в Европе, Передней Азии и Египте, обязан предварительно изучить и латинский, и греческий, и еврейский языки. Поэтому я избегаю писать слова этих языков в тексте моей книги посредством их национальных азбук, не всякому известных, а стараюсь представить их начертание русскими буквами. По отношению к еврейским словам, которые здесь придется мне употреблять особенно часто, я всегда избегаю давать их современное испорченное пунктуацией произношение, а даю их *транскрипцию* буква за буквой по следующей схеме:

- א — А, теперь произносится то как а, то как о, то как э, подобно английскому a.
- ב — Б и В, теперь произносится как б и как в, а в древности, вероятно, было придумное б, среднее между обоими нашими звуками.
- ג — Г в египетском и g (*итальянское дже*) в восточном говоре.
- ד — Д, как д.
- ה — Е, произносилось придыхательно как греческая η (эта).
- ו — У, иногда как у, близко к в.
- ז — З, как польское dz.
- ח — Х, как латинское h.
- ט — Т, обычно читают как т, но, вероятно, было придумное т.

- օ — И и Й, как и и, й и ай.
 փ — К, гортанно как слитное *кх*.
 ֆ — Л, как русское *л*.
 ֆ — М, как *м*.
 ֆ — Н, как *н*.
 ֆ и ֆ — С, как *с*.
 ֆ — Э, теперь произносят как э и как у, и как о.
 ֆ и ֆ — Ф, похоже на придумное *п*.
 ֆ — Ц, как *ц*.
 ֆ — К, произношение загадочно, возможно, что переходило
 и в русское *ч*.
 ֆ — Р, повидимому, картавое *р*.
 ֆ — Ш, как *ш* и как *с*.
 ֆ — Т, считают близким к английскому *th*.

По отношению к словам, не содержащим в себе гласных, например, БН (сын), я делаю предположение, что тут подразумевался первоначально короткий звук *ы*, представляющий гласную, частую во всех восточных языках, но не имеющую для себя в библейской азбуке особого начертания. Может-быть без нее древние народы и не умели произносить отдельно согласных звуков, а потому естественно и не обозначали ее.

Точно также можно быть уверенным, что первоначальным изобретателям всяких азбук было не до того, чтобы портить свое изобретение бесполезными условностями или произношением одной и той же буквы в одних словах так, а в других иначе. Следовательно, буква *а* (еврейское *Алеф*) у них всегда читалась как *а*, буква *и* (еврейское *иод*) всегда читалось как *и* (или *й*), а не на все лады, как читают теперь гебраисты. Это уже позднейшие искажения чтения гласных, когда библейский язык стал международным ученым жаргоном, и иностраницы стали коверкать его слова.

Современной «пунктуации» еврейских букв я не придаю никакого значения: от нее не может быть ничего, кроме вреда для филолога-теоретика, как введенной лишь в средние века, и потому я ее нигде не употребляю в моей книге.

Иероглифическая и клинописная азбуки будут приведены в таком же пояснительном виде в соответствующих местах следующих томов. Здесь же, в виду воспроизведения Абидосской и Саккарской таблиц, я замечу лишь одно. Иероглифическая письменность не есть первобытный способ человеческого письма. Совершенно наоборот: это усложненное применение фонетической азбуки. Она похожа на современный *ребус* и состоит из наличности всех обычных букв, но усложнена идеографическими рисунками.

Представьте себе, что вместо имени, например: «*бог Нила*», вам написали бы «*б-огни-л-а*» и компонент *огни* изобразили бы двумя или тремя языками пламени, а остальное оставили бы в обычном буквенном изображении. Так и в иероглифике, вместо эллинизированного выражения «*неф-архирей*», т.-е. «*Нево (или Меркурий, спутник солнца) — верховный царь*», написали бы «*Нефер-х-Рэ*», при чем *нефер* изобразили бы *лотней (по-египетски: нефер)*, а *Рэ* изобразили бы Солнцем, символом царского звания. Из фонетической азбуки здесь осталась бы только буква *х* (она же *к*). Только при таком ребусическом расчленении оказываются прозвища египетских царей осмысленными, и в то же время обнаруживается в иероглифике сильное влияние греческой культуры.

Особенно неблагоприятным для этого первого тома излагаемой здесь общей критической обработки истории древнего мира в связи с возникновением в ней «*посвященства*» (т.-е. «*христианства*») в том смысле, в каком я только-что определил его, является то обстоятельство, что этот первый том не выходит одновременно с остальными пятью томами, в которых специально разбираются и устанавливаются на новых хронологических началах: древне-месопотамская, сирийская, греческая и италийская (а также тибетская и индустанская) культуры и где они приводятся к согласованию между собою и с историей средних веков, обогащающейся благодаря этому массой новых

документов, считавшихся возникшими за несколько сот и даже тысяч лет ранее, чем это было на самом деле.

Над этим предметом я начал работать, хотя и с невольными долгими перерывами, еще с 1883 года, но особенно много со времени революции, впервые давшей мне надежду беспрепятственно опубликовать мои выводы. Я употреблял при этом:

1. Астрономический метод для определения времени памятников древности, содержащих достаточные астрономические указания в виде планетных сочетаний, солнечных и лунных затмений и появлений комет. Результат исследования этим методом, захватывающий у меня более 200 документов, получился поразительный: все записи греческих и латинских авторов, отмечающих вычислимые астрономические явления после 402 года нашей эры, подтвердились, и, наоборот, все записи о затмениях, планетных сочетаниях и о кометах (последние я сравнивал с записями китайских летописей Ше-Ке и Ма-Туань-Линь, а сочетания вычислял сам) не подтвердились и привели к датам тем более поздним, чем ранее они считались. От древности за началом нашей эры не осталось ничего.

2. Геофизический метод, состоящий в рассмотрении того, возможны ли те или иные крупные историко-культурные факты, о которых нам сообщают древние авторы, при данных географических, геологических и климатических условиях указываемой ими местности. И этот метод дал тоже отрицательные результаты за началом нашей эры. Так, например, геологические условия окрестностей полуострова Цур (где помещают древний Тир) показывают физическую невозможность образования тут, да и на всем сирийском берегу, от устьев Нила до устья Эль-Аси (древнего Оронта), какой-либо закрытой от ветров или вообще удобной для крупного мореплавания гавани.

3. Материально-культурный метод, показывающий несообразность многих сообщений древней истории с точки зрения эволюции орудий производ-

ства и состояния техники, как, например, постройка Соломонова храма в глубине Палестины до начала нашей эры.

4. Этно-психологический метод, состоящий в исследовании того, возможно ли допустить, чтоб те или другие крупные литературные или научные произведения, приписываемые древности, могли возникнуть на той стадии моральной и мыслительной эволюции, на которой находился тогда данный народ.

5. Статистический метод, состоящий в сопоставлении друг с другом многократно повторяющихся явлений и обработке их деталей с точки зрения теории вероятностей. Образчиком этого метода служит излагаемое здесь сопоставление родословной Ра-Мессу с родословной евангельского Христа, а также диаграмматические сравнения времен продолжительности царствования царей «израильских» и «иудейских» с царями Латино-Эллино-Сирийско-Египетской империи после Константина I и т. д.

Насколько стройной, непрерывной, последовательной и закономерной делается эволюция человеческой культуры с новой точки зрения, читатель увидит лишь из следующих томов. Здесь же я в сущности дал к ним только введение (которое в то же время является и их окончательным результатом).

Николай Морозов.

Научный Институт
имени Лесгафта.
Астрономическое отделение.
27 апреля 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Это второе издание отличается от первого лишь уяснением некоторых неопределенностей в моем первичном изложении биографии «Великого царя» Четырминой (чего мне нельзя было сделать до выхода второй книги «Христа», дающей новую топографию мест действия) и исправлением некоторых корректурных недосмотров. Мои критики до сих пор не указали мне ничего существенного, с чем я мог бы согласиться.

Николай Морозов.

Научный Институт
имени Лесгафта.
Астрономическое отделение.
2 апреля 1926 г.

ПРОЛОГ

Рис. 1.
Стенопись из римских катакомб.

АПОКАЛИПСИС

с астрономической и исторической точек зрения.

(Две публичные лекции в зале Политехнического музея в Москве.)

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ.

Предмет, о котором я хочу вам говорить теперь, наглядно показывает нам, до какой степени предварительное знакомство с естественными и особенно физико-математическими науками необходимо для понимания всех остальных отраслей знания, даже таких темных, как средневековая теология.

По мнению ортодоксальных теологов, со дня появления Апокалипсиса прошло уже почти две тысячи лет. По моим астрономическим вычислениям, о которых я общепонятно расскажу вам дальше, этот срок приходится сократить до полуторы тысячи лет. Но все же и такой промежуток времени страшно громаден, особенно по количеству перемен в политической и общественной жизни, в области искусства, литературы и, в особенности, науки. Можно сказать, что за весь предыдущий период своей жизни человечество на земле не переживало ничего подобного.

Миллионы людей читали за это время Апокалипсис, и целые горы комментариев были написаны о нем. Я без преувеличения могу сказать, что, если бы собрать весь рукописный материал об этой книге, который существовал в старинных, давно исчезнувших книгохранилищах средних веков до изобретения печатного станка, и тот, который накопился со времени этого изобретения, то на помещение потраченной бумаги, вероятно, не хватило бы даже нашей залы.

*

Апокалипсис толковался в этих книгах со всевозможных точек зрения: с исторической, мистической, литературной, пророческой... Не толковался он до самого последнего времени только с одной — астрономической — точки зрения, с которой его прежде всего и надлежало бы толковать.

Чтобы не быть голословным, я сейчас же приведу вам наглядный пример, показывающий, как сфинкс сразу рассыпается, когда мы нашли его разгадку.

Всякий из вас, кто хоть раз читал Апокалипсис, конечно, помнит то его место в IV главе, где автор говорит, что видел

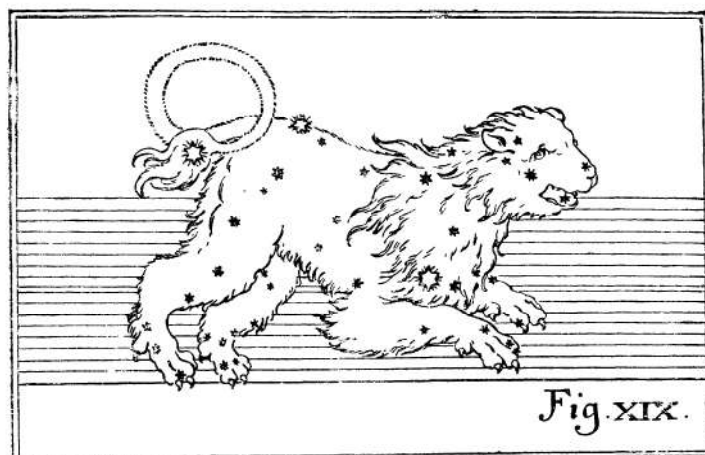

Рис. 2.

Созвездие Льва. (Из старинной латинской книги «Astrognosia» XVI века. Книгохранилище Пулковской обсерватории.)

на небе четырех животных. Первое из них было подобно тельцу, второе — подобно льву, третье — с головой, как у человека, и четвертое было подобно летящему орлу, и все они были полны очей спереди и сзади, внутри и около. В одной старинной рукописи я видел на рисунке и сами фигуры этих существ в виде реальных животных: тельца, льва, центавра и крылатого коня Пегаса, к которому была приделана вдобавок орлиная голова. А вся кожа этих животных была покрыта глазами: глаза у них были и на спине, и на хвосте, и на ногах, и на животе, глаза летали около них... Вышло что-то уродливое, чудовищно-безобразное...

А между тем, если бы комментаторы знали, что эти четверо животных находятся и до сих пор на том «стеклянном море», каким для древних представлялся небесный свод; что в любую ясную звездную ночь каждый может их наблюдать в виде соответствующих созвездий Льва, Тельца, Стрельца и Пегаса; если бы они знали, что на всех древних картах первых веков христианства и даже вплоть до XIX столетия около упомянутых созвездий очерчивались контуры этих самых животных, при чем Стрелец рисовался именно в виде центавра с туловищем, как у коня, и с головой, как у человека; если бы они знали, наконец, что все эти контуры древние астрологи предполагали действительно

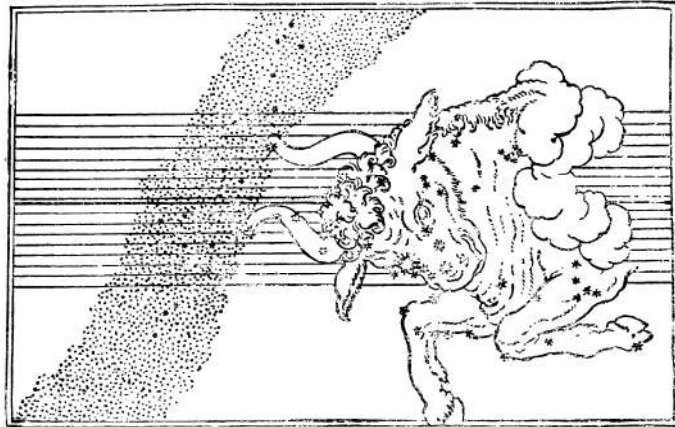

Рис. 3.

Созвездие Тельца. (Из той же «Астрогнозии».)

начерченными на «кристаллическом небесном своде» или даже живущими на нем в виде реальных зверей, и что все они «пугают очей», т.-е. вечно мерцающих звезд, спереди и сзади, внутри и около (рис. 2, 3, 4 и 5), — то они поняли бы, что здесь только описывается одна из самых чудных картин звездного неба, а не те многоглазые чудовища, которые создала их дикая, научно не подготовленная фантазия!

Для окончательного же выяснения причин, почему автор Апокалипсиса прежде всего описал этих животных, мне нужно вам сказать еще следующее: весь небесный свод разделялся в древности, да разделяется и теперь, своими меридианными линиями на 24 полосы, которые называются «часами прямого

восхождения» неба. Все эти 24 полосы сходятся около полярной звезды, и в наших умеренных странах северного полушария земли, при ежесуточном движении неба, каждая из них сначала

Рис. 4.
Созвездие Стрельца.

медленно восходит на востоке нижней своей половиной, затем высоко поднимается к зениту и как бы дежурит над прикрываемой ею страной в продолжение целого часа, после чего этот «звездный часовой» спускается к западу, как бы падая на колени, пока снова не начнет подниматься на востоке. Четыре же животные, о которых я вам говорил, расположены крестообразно (рис. 6) среди этих вечно сменяющихся

друг друга сторожей небесного свода древних. И находятся они как раз на пути, по которому, при своем кажущемся движении, ежегодно проходит солнце в продолжение четырех времен года.

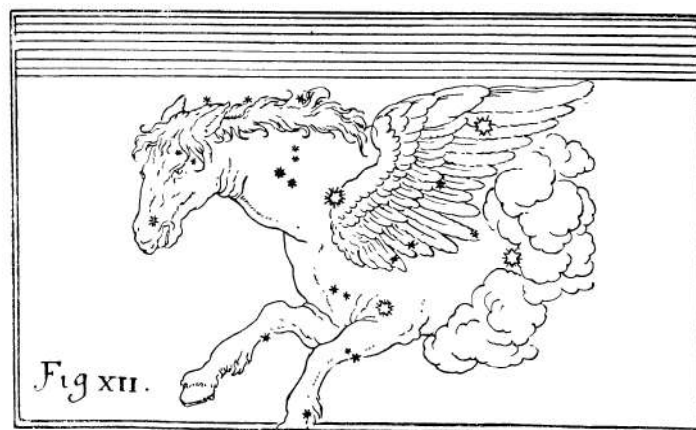

Рис. 5.
Созвездие Пегаса, крылатого коня. (Из той же «Астрогнозии».)

Если вы припомните при этом, что на небе находится еще созвездие *Трона* (впоследствии переименованное в созвездие Кассиопей), а как раз напротив этого Трона, по другую сторону

небесного полюса, в котором сходятся все 24 полосы часов прямого восхождения неба, находятся еще семь *огненных лампад* — семь ярких звезд (рис. 7) известного каждому из вас созвездия «Большой Медведицы», — то вы поймете, прочтя следующее место Апокалипсиса, как велика его поэзия, если вы отнесете все указанные образы к звездному небу сообразно с приложенной картой, представляющей собою ту половину неба, которая находится к северу от эклиптики (пути солнца по небу, стр. 23):

«Вокруг Трона (*т.-е.* нынешнего созвездия Кассиопеи, называвшегося в древности Троном, рис. 7) было 24 *седалища* (*т.-е.*

24 крыла прямого восхождения неба), и на них сидели 24 старца (*часы* суточного обращения небесного свода), облеченные в светлые одежды (*небесной лазури*) и осененные сверху золотыми Венцами (*очевидная описка переписчиков, поставивших множественное число вместо единственного: в зените звездного неба находится в это время Северный Венец, рис. 6*).

А от Трона исходили молнии и громы и звуки (*надвигавшейся грозы, каждый удар которой описан далее*) и горели против него семь *огненных лампад* (*семь звезд Большой Медведицы, находящейся против созвездия Трона, рис. 7*) — семь духов, всегда стоящих перед Громоверждем. Вокруг же Трона — *стеклянное море* (*небесный свод*), прозрачное, как хрусталь, а посреди моря и вокруг Трона находятся четверо животных (*четыре созвездия времен года*), полных очей (*вечно мерцающих звезд*) спереди и сзади».

«Первое из них (*созвездие всепожирательной осени*) подобно Льву (рис. 6 и 2), второе (*созвездие питающего лета*) подобно Тельцу (рис. 6 и 3), третье (*созвездие всеубивающей зимы — Стрелец*) (рис. 6 и 4) обладает лицом, как у человека, а четвертое животное (*созвездие весны — крылатый конь — Пегас, рис. 6 и 5*) подобно летящему орлу.

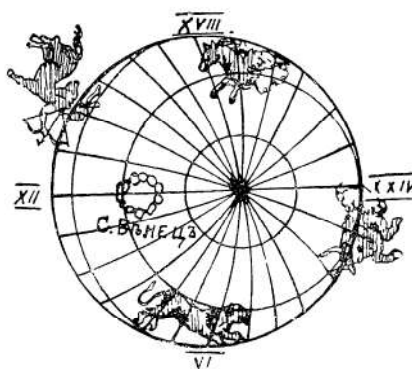

Рис. 6.

Созвездия Льва, Тельца, Стрельца и Пегаса на эклиптике и Северного Венца над ними.

И имели они как бы на каждого из себя по 6 крыльев вверху (по шести крыловидных полос прямого восхождения неба, рис. 6), а внутри себя и около они полны очей (звезд) и ни днем, ни ночью не имеют покоя, восклицая (своим мерцанием): «свят, свят, свят властитель наш, бог всемогущий, тот, кто был, есть и будет!»

Но если эти строки есть место явно астрономическое (а далее я вам приведу и еще целый ряд подобных мест), то,

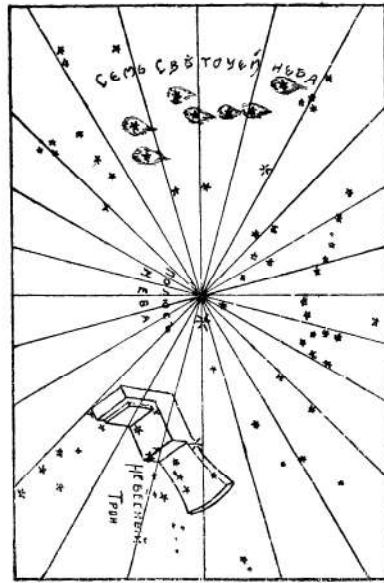

Рис. 7.

Созвездие Трона (теперь Кассиопея) и Семизвездие (теперь Большая Медведица) против него, по другую сторону от Небесного Полюса.

самого автора Апокалипсиса, который, конечно, понимал свою книгу, могли затеряться среди его сторонников в средние века?

Ответ на такие вопросы дает нам сама история средневековья.

Древний мир с его научным мировоззрением и особенно история первых веков христианства теперь являются отделенными от нас как бы непроницаемой завесой мрачного церковного самодержавия, профильтровавшего в XII — XV веках через огонь

значит, Апокалипсис построен на астрономической канве. Люди, незнакомые с основаниями астрономии, конечно, не могли правильно понимать этих мест и, естественно, должны были приписывать им какое-то таинственное значение, как люди, незнакомые с основаниями элементарной геометрии, неизбежно должны приписывать каббалистическое значение самым простым ее формулам и чертежам.

Но вы спросите меня, каким же образом произошло, что никто из астрономически образованных людей не дал в средние века таких простых объяснений (скорее указаний), и почему эти указания не были сейчас приняты всеми историками и теологами, как очевидные? Каким образом могло произойти, что личные объяснения

своих костров все исторические документы и допустившего до нас лишь те из них, которые были благоприятны господствовавшей церкви, да и то нередко в наполовину подделанном или искаженном до неузнаваемости виде.

В самом начале этого мертвящего периода должны были исчезнуть и все отголоски астрологических толкований Апокалипсиса, несомненно существовавшие до того времени. Припомним только, что «кодекс Юстиниана», приписанный VI веку, приравнивает астрологов к отравителям и приказывает предавать их таким же пыткам и казням, как и этих последних. Написать или сохранить астрологическое толкование на Апокалипсис, уже объявленный, как нас уверяют, на Карфагенском соборе 397 г. боговдохновенной, пророческой книгой, это было бы в XII — XV веках прямо отправиться на плаху или на костер...

Потом наступил, наконец, рассвет. Многочисленная паства тех самых монахов, сжигавших всякие книги, кроме ортодоксальных, благодаря самой своей многочисленности, должна была демократизировать фундамент даже и государственной церкви. В многочисленных монастырях, повсюду возникавших в средние века, как грибы в осеннее время, по всей западной, южной и средней Европе, начали понемногу, кроме праздных и фанатизированных монахов, находить себе приют и все мыслящие люди, утомленные жизнью и ее бурями и желавшие посвятить остаток своих дней созерцанию и размышлению. Эти люди, вместе с немногими философски-настроенными умами из привилегированных или зажиточных сословий того времени, начали культивировать не только одну ортодоксальную теологию, но и все остатки знаний, которые дошли до них через убийственный период религиозных гонений времен инквизиции. На реалистической почве возродились и приняли реалистический оттенок и все прежние науки древнего мира — астрология, алхимия, математика и первые зачатки физики и естествознания вообще.

Но первоначальные астрономические истолкования Апокалипсиса в это время уже затерялись, сама книга была признана церковью за произведение ученика Христа, бывшего рыбака Иоанна, и в подтверждение ее принадлежности именно этому легендарному лицу был составлен целый ряд подложных толкований от имени различных епископов первых веков и даже ряд подложных споров этих епископов по поводу ее происхождения.

Нет сомнения, что я и сам никогда не написал бы таких книг, как эта, если бы не был насильно вовлечен в изучение религиозных вопросов, когда мне, после года одиночного заточения в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости без права что-либо читать, дали в 1884 г. для изучения французскую Библию начала XIX века, оставшуюся там, повидимому, со времени декабристов, а потом для дальнейшего просвещения предложили исключительно «творения святых отцов» в их синодальных изданиях первой половины XIX века, или в старом журнале «Христианское Чтение».

Я начал их читать и вдруг почувствовал в авторах этих книг своих предшественников на пути к истине, но заблудившихся невольно в ее поисках, потому что у них не было еще никакого компаса. Я увидел в Библии и в их творениях много мест из близко знакомой мне науки, астрономии, дающих мне возможность определить и самое время возникновения многих из этих документов.

От компилятивных сочинений в роде курсов истории Шлосера, Вебера, Момзена и других, какие я читал ранее, я обратился здесь к их первоисточникам, увидел ненадежность и произвол обработчиков в распределении их материала по временам, и вместе с тем передо мною предстал самостоятельный способ их нового исследования. Я еще не знал, куда он меня заведет, даже и тогда, когда уже вычислил в Шлиссельбургской крепости время появления Апокалипсиса и более позднего, чем он, времени возникновения библейских пророчеств. Я думал еще, что хронологический сдвиг, который я тут обнаружил, коснется только одной истории христианства и части израэлитства.

Но вот мои позднейшие определения времени нескольких месопотамских клинописей (которые войдут в следующие тома), определения многих затмений, описанных у Геродота, Фукидида, Тита Ливия и у других классических авторов, а также гороскопа на одной из фивских гробниц, исследованных Бругшем, затем двух египетских же гороскопов на атрибской гробнице, найденной Флиндерсом Петри, и двух гороскопических скульптур на потолках Дендерского храма,—подробное описание которых будет тоже напечатано в одном из следующих томов,—показало мне, что и в истории классических, месопотамских и египетских древностей не все обстоит благополучно, что и там при-

царь и предаст нас огню и мукам, все же не убедит нас в своем несчастии».

«Юлиан преисполнился гнева, услыша это, и на следующее утро велел их ввергнуть в темницу, в которую они пошли с пением псалмов и восклицаниями:

«— Кто велик как бог? А мы дело его рук!

«Когда их вывели потом из темницы к Юлиану на суд, тот обратился к ним со следующим увещанием:

«— Добрые мужи! Ваш царь прислал вас ко мне, как верных себе и приятных к нам людей, чтобы устроить мир между обоими царствами. Какая же у вас обнаруживается к нам приязнь, если вы не захотели совершать празднество вместе с нами и насладиться веселием в честь Солнца, Луны и звезд, пресветлейшей огненной силы и прочих богов, которых почитаете и вы, персы, так же, как и мы?

«— Мы пришли сюда только для заключения договора,—отвечали братья,—чтобы войны не переходили пределов наших царств, а купцы безбоязненно и мирно торговали в обоих, а не для того, чтобы говорить о богах. Мы хотя и персы, но христиане, и уже много таких есть в нашем отечестве, и никто нас не принудит к бесовской службе!

«— Как это вы, — сказал им Юлиан, — простаки и невежи, не зная даже греческого языка, бесстыдно дерзаете укорять нас, прошедших все книжное любомудрие, в вере, которой мы держимся? Мы знаем все ваше писание и знаем все затерянное в нем, и ничего там истинного нет. Советую вам оставить это детское и безумное измышление и избрать лучшее учение, в котором пребывали премудрые философы.

«— Какое безумие хуже? — ответили Савел и его братья, — поклоняться ли единому живому богу или каменным изваяниям? Ваши мудрые философы были безумнейшие из всех. Ты же худший из всех безумцев, потому что был воспитан в христианстве, но отверг господина Христа и стал из благочестивого безбожным.

«Юлиан, преисполнившись ярости, велел разложить их на земле и нещадно бить ремнями, а потом приказал поднять их на дерево, пригвоздивши руки и ноги, и раздирать все их тело железными когтями.

«Они же в этих муках возводили только к небу свои очи и взывали к богу:

«Полтора года жил Феодор в Смирне в заточении, а когда Лев Армянин был убит своими воинами, вступивший на его место Михаил, хотя и зловерный, допустил каждого верить, как он хочет, и освободил всех заточенных».

«Божьего дара» взяли его ученики, Вассарион, Дорофей, Яков, Домциан и Тимофей, и, веселясь, повезли домой, через 7 лет ссылки, да и прежде он при внуке «Копронима» пробыл в Солуни 5 лет.

«Его везде принимали с величайшим почетом и ублажали, кто как мог».

«Он пришел к «Богосозданному» (Феоктисту), имевшему магистрианское звание, и утешился с ним духовною беседою. Он посетил и патриарха «Победоносного» (Никифора), любезно принявшего его.

«Он пришел затем в Крискентиевы места, где многих возвеселил и вылечил. Потом, возвратившись, пришел вместе с патриархом к царю увещевать его признать святые иконы, но тот оставался неразумен.

«Феодор, не желая жить посреди константинопольского народа, поврежденного ересью иконоборства, ушел в Херсонес Акритский, где была церковь святого Трифона, и умер там 67 лет от роду от тяжкого желудочного недуга.

«На смерть его стеклось множество верующих. Один из скорописцев записал его поучения, — говорят нам «Жития», — и если кто их хочет знать, пусть прочтет его книгу».

«Вся братия плакала, — продолжают они, — видя его кончину, и когда ученики его зацели: «Вовек не забуду, господи, твоих оправданий, в которых оживил ты меня», ангелы понесли его душу к престолу небесного владыки. Об этом неложно свидетельствует Илларион Далматский, который, работая в это время в винограднике, почувствовал неизреченное благоухание и услышал пречудные голоса. Посмотрев на воздух, он увидел великое множество существ в белых одеждах, с сияющими светлыми лицами, спешащих навстречу некоему честному лицу. Илларион упал на землю и услышал голос с неба:

«— Это душа Феодора, игумна Студийского монастыря, до конца претерпевшего за святые иконы.

«Когда сравнили час этого виденья с часом кончины Феодора, то увидели, что время было то же самое.

- Марк-евангелист — скорее всего Марк Афинский, ум. в 726 г. н. эры, — 177, 460.
- Матвей («дар божий», греч. — Феодор), — скорее всего Феодор Студит, автор Евангелия «от Матвея» (739 — 826 гг.) — 187, 482.
- Мена — египетск. «Первый царь земли», библ. Адам, — 366.
- Меркурий-Нево — папа Иоанн Меркурий, живший в конце VI века н. эры, он же — Навуходносор, — 280, 283.
- Мессияны — первоначальная секта «христиан», ожидавшая второго пришествия «столбованного» Асы-Исуса и пророчествовавшая об этом в так назыв. книгах библ. пророков, — 191.
- Мессия — («помазанник», греч. «Христос») — 71.
- Михей («богоподобный») — заглавие мал. библ. пророчества — 340.
- * Моисей («избавитель») — легендарный вождь «богоборцев» — единобожников, напоминает во многом Диоклетиана-Давида, — 287.
- Мощи — 440.

Н.

- Навуходносор («Меркурий, пьедестал дая») — скорее всего папа Нево (Иоанн Меркурий), живший в царствование Юстиниана II (538 — 578 гг. н. эры), — 230, 280, 294, 410.
- * Назорей, назорейство — 90, 103.
- Наум («утешение») — заглавие мал. библ. пророчества — 341.
- Нерон (Валент, Ахав, Ирод) — 105, 152, 158, 421.
- Никейский собор (325 г. н. эры) — 100, 117.
- Никейский II собор (787 г. н. эры) — 179.
- Николаиты (одна из христианских сект IV века) — 56, 117.
- Ниневия («красавица») — 272, 342.
- Новозаветники — 423.
- «Новый» завет — 209.
- * Ной (егип. Нэхао — «вождь», ср. аббисинск. Негус) — 373.
- Ньютоп — 10.

О.

- * Обрезание — 181.
- Овен (созвездие) — 27, 36; «Эра Овна» (Александрийская) — 79, 416.
- Одоакр (библ. Салмоносар — «отнявший мир») — 397.
- Онуфрий Великий («священный бык», он же — Иосиф Аримафейский?) — 187.
- Орион (созвездие) — 194, 268.
- Осия («спаситель») — заглавие мал. библ. пророчества — 337.
- Осия, последний израильский «богоборческий» царь, плененный Салмоносаром, соответствует последнему романскому царю Ромулу-Августулу, плененному Одоакром, — 397.
- Охозия («богоборч.» царь) — соотв. Константину III (422 г.) — 407.

П.

- Павел («малый») — апостол — 444, 449, 493.
- Пансий Великий, — одна из версий легенды о юном ученике «Исуса» — Иоанне, — 177.

- XVI. Перечень всех немногих случаев, где слова: еврей, еврейка или еврейство употребляются в Библии и Евангелиях,—347.
- XVII. Места, где в Библии употреблено слово Гебр (хыбыр), созвучное со словом еврей,—348.
- XVIII. Сравнение чисел предков Ра-Мессу Миамуна в последовательных «династиях» египетских царей по Абидосской таблице с числами предков Иисуса мессии в их естественных группах по Евангелию Луки (гл. III),—365.
- XIX. Сравнение Абидосского списка 76 предков богорожденного Ра-Мессу Миамуна и 76 предков богорожденного Иисуса в Евангелии Луки с сохранением их последовательности,—366.
- XX. Сравнение Саккарского стенового списка предков Ра-Мессу Миамуна с Абидосским и с родословием Христа у евангелиста Луки,—383.
- XXI. Сравнение времен царствования последовательных царей богоборческих (израэльских) и латинских царей, начиная от основателя теократической монархии Константина I,—392—393.
- XXIa. Comparative chronological Table of the Kings and Prophets of Judah and Israel,—393.
- XXII. Сравнение времен царствования последовательных царей «Второй Римской Империи» и царей «Третьей Римской Империи», 402—403.
- XXIII. Сравнение времен последовательных царей богославных (иудейских) и ромейских (элмно-сирийско-египетских) царей,—404—405.
- XXIV. Сравнение последних западно-римских (романских) царей в легенде о богославном (иудейском) царстве,—409.
- XXV. Предки «евангельского Христа» (в которые попал и он сам в виде Асы) после Ровоама-Лицива,—412.
- XXVI. Библейские цари перед Ровоамом-иудеем,—412.
- XXVII. Выписки из обследования нескольких из «нетленных мощей»,—440.
- XXVIII. Абидосская таблица (в конце).
- XXIX. Саккарская таблица (в конце).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЧКИ.

29. Положение «шести планет» 30 сентября 395 г.,—49.
30. Положение Марса в Овне под мечом Персея,—50.

